

Первый ряд

Современная зарубежная проза

1

*Кто принимает сторону мертвых?
Кто охраняет их права
выслушивает их проблемы
и поливает их цветы?*

Попробуйте взглянуть на мир моими глазами!

Глазами жёлчной вдовы, ведущей нездоровый в эмоциональном отношении образ жизни. Кто знает, до чего я дойду к следующему полнолунию?

Вы же читали Стивена Кинга?

Я сижу на вытертой темно-зеленой скамье у могилы своего мужа и думаю о том, как меня раздражает его надгробный памятник.

На небольшой строгой плите выбита лаконичная надпись (рубленным шрифтом): «Эрьян Валлин». Памятник скромный, если не сказать неприязнительный, — каким был и сам Эрьян. Он его и выбрал, оставив соответствующие указания в фонусовском «Белом архиве»*.

Уже одно это чего стоит. Эрьян ведь не болел и, по идее, не должен был готовиться к смерти.

* Архив шведской компании «Фонус», специализирующейся на организации похорон. Название «Белый архив» связано с белой обложкой папки, в которой собираются документы. (*Здесь и далее примеч. переводчика.*)

Я прекрасно знаю, что он хотел сказать этим памятником: «Смерть — естественная часть круговорота природы». Эрьян был биологом.

Спасибо, Эрьян, удружил так удружил...

Я бываю здесь несколько раз в неделю: по будням часто заглядываю в обеденный перерыв, в субботу-воскресенье тоже навещаюсь — хотя бы в один из дней. Если начинает моросить, я вытаскиваю пластиковый дождевик, который потом можно опять сложить и убрать в маленький пакет. Этот безобразный дождевик нашелся в мамином комод. Многие посетители кладбища приносят с собой такие же.

Каждый раз я просиживаю тут не меньше часа — в надежде испытать наконец подлинное горе (мне кажется, если я очень постараюсь, у меня получится). Как ни парадоксально это звучит, мне было бы гораздо лучше, если б я чувствовала себя хуже. Если б я изводила платок за платком и при этом не поглядывала на себя со стороны, чтобы проверить, искренние у меня слезы или нет.

К сожалению, правда заключается в том, что половину проводимого на кладбище времени я только сержусь на Эрьяна. Предатель! Неужели не мог быть поосторожней? В остальное время я испытываю примерно такие же чувства, как ребенок, у которого умер двенадцатилетний попугайчик. Увы и ах.

Я тоскую по Эрьянову присутствию рядом, мне недостает самых будничных вещей. Никто больше не шелестит газетой на диване; когда я

возвращаюсь с работы, в доме не пахнет кофе; калошница кажется пустой без его ботинок и резиновых сапог.

Теперь, если я не знаю имени бога солнца из двух букв, приходится гадать на кофейной гуще или пропускать в кроссворде это слово.

Вторая половина нашей двуспальной кровати всегда застелена.

Никто не станет беспокоиться, если я попаду под машину и не вернусь домой.

И вода в уборной больше не журчит, если ее не спускаю я сама.

Вот я и сижу на кладбище, скучая по шуму спускаемой воды. *Weird enough for you, Stephen?**

Кладбищенская атмосфера превращает меня в заштатного репризного комика. Разумеется, юмор свидетельствует о вытеснении, о попытке заклинания духов, но я могу его себе позволить. Когда нечем занять голову, почему бы не покопаться в вытесненных мелочах?

И все же Эрьян не просто присутствовал рядом, у него была более важная роль: благодаря ему я знала, кто я такая. Мы раскрывали сущность друг друга, чему в первую очередь и служат брачные отношения.

А кто я теперь?

Определение моей сущности отдано на откуп чужому взгляду. Для одного я избиратель, для других — пешеход, налогоплательщик, потре-

* *Зд.* Вполне в твоём духе, а, Стивен? (*англ.*) (Обращение к упоминавшемуся выше писателю Стивену Кингу.)

битель культуры, рабочая сила или владелец квартиры... если не просто тело с сухой кожей, не самой большой грудью и подтекающими тампонами.

Разумеется, я по-прежнему могу определять себя через Эрьяна. Он оказывает мне эту услугу и посмертно. Если бы не Эрьян, я бы относилась к разряду «незамужних женщин старше тридцати» (такое выражение встретилось мне вчера в газете, отчего по спине побежали мурашки). Теперь же я «все еще молодая бездетная вдова». Уныло и трагично! Спасибо тебе, Эрьян!

Впрочем, меня гложет и чувство обиды. Я обижена на Эрьяна за его внезапную смерть.

У нас была куча планов на ближайшее и более отдаленное будущее! Начиная с байдарочного похода по Вермланду и кончая выгодной пенсионной страховкой для обоих.

Эрьян тоже наверняка обижен. Потратить столько усилий на все эти тай-чи, экологически чистый картофель и ненасыщенные жиры... И что получить взамен? — скалит желтые зубы заштатный комик.

Иногда я просто свирепею. Это несправедливо по отношению к тебе, Эрьян! Ты был такой умный, такой доброжелательный!

А иногда у меня между ногами начинается трепыханье (что неудивительно после пятимесячного воздержания). Тогда я чувствую себя некрофилкой.

На могиле по соседству с Эрьяновой стоит крайне вульгарный памятник белого мрамора.

Каллиграфически выведенные золотом имена усопших, ангелочки, розочки, птички, ленты с изречениями и призванные настраивать на оптимистический лад коса и череп. Сама могила напоминает питомник — настолько она засажена цветами. Под камнем похоронены мужчина и женщина примерно одного года рождения, так что, очевидно, с подобным чрезмерным тщанием ухаживает за родителями кто-нибудь из детей.

Я впервые увидела этого человека несколько недель назад: парень моего возраста, в яркой спортивной куртке и кепке с наушниками. Кепка напоминает бейсболку, с надписью впереди: СОЮЗ ЛЕСОВЛАДЕЛЬЦЕВ. Парень рьяно копал и рыхлил почву под своими посадками.

На могиле Эрьяна не растет ничего. Скорее всего, он был бы категорически против розового куста: этот вид флоры не относится к кладбищенскому биотопу. А тысячелистник или таволгу при входе не купишь.

Лесовладелец появляется раз в несколько дней, около полудня, неизменно с новой рассадой и подкормкой для нее. Он гордится своими насаждениями так, словно могила — его садовый участок.

Когда мы столкнулись в последний раз, он тоже сел на скамью и исподволь поглядывал на меня... но так и не заговорил.

От него идет странный запах, а на левой руке отсутствуют два пальца.